

(Продолжение. Начало на стр. 1)

лизм, русская национал-демократия, поскольку наше антиимперство исходит из жизненных интересов русского большинства населения России. Свободная от удавки федеральной и местной бюрократии, от диктата паразитарного центра и засилья этномафий, опираясь на огромный творческий и деловой потенциал народа и взаимопомощь, Русская Конфедерация, несомненно, займет достойное место в цивилизации «Богатого Севера».

В далеком феврале 1990 г. Борис Ельцин, выступая в Уральском политехническом институте, заявил: «... в составе РСФСР после референдума могут образоваться семь русских республик: Центральная Россия, Северная, Южная, Поволжье, Урал, Сибирь, Дальний Восток» (см. «Русская мысль», 16 февраля 1990 г., Нью-Йорк).

Вот кто, оказывается, впервые провозгласил идею самоопределения русских в России, которая сегодня на всех политических уровнях и во всех политических лагерях воспринимается как необсуждаемая ересь! Так думал и говорил ранний, революционный Ельцин, стремившийся порвать не только с советским наследием, но и с имперской «кармой» в целом. Это был национал-демократический Ельцин, столь пленивший своим русским антикоммунизмом писателя Виктора Астафьева. Этот Ельцин не нашел понимания и поддержки у т.н. патриотических сил. Именно патриоты стали главными критиками антиимперской позиции раннего Ельцина, которая шельмовалась ими как «антируская». Проект семи русских республик не вызвал воодушевления и у т.н. «демков», старавшихся вообще не замечать наличие русских в России.

В итоге возможность национал-демократического решения русского вопроса была упущена. В конце концов, Ельцин начал неуклонный дрейф в сторону имперской реставрации, что в итоге привело к бессмысленной и кровавой Чеченской войне, совершенно ненужной русскому народу, равно как и сама Чечня вкупе со всем Северным Кавказом. Этому Ельцину, завалившему Грозный трупами русских парней и воздвигшему в столице византийский «самовар» храма Христа Спасителя, патриоты аплодировали. В результате вместо шанса на собственную историю русские получили пошлую православно-совковую державность; начав с антисоветизма и русского «сепаратизма», Ельцин закончил видвижением чекиста Путина с его «вертикалью власти» и «единой, неделимой Россией». Если русским националистам и есть за что не любить Бориса Ельцина, так это не за развал Империи, а за то, что он сохранил ее базовую часть, ее исходный плацдарм, реторту реванша — Российскую Федерацию.

Пора распустить «колхоз»

Как уже сказано, патриоты — это безпринципные прислужники Империи в любых ее «реинкарнациях». Точнее, они прислужники любых хозяев этой Империи. Функция патриотов — чисто холуйская: мобилизовывать русских «на труд и на подвиг» в интересах этих хозяев, будь то цари, комиссары, попы, партбоссы, чинуши или просто палачи. Короче, патриоты — это опасные враги русского народа, а патриотизм — это злобный отстойник фанатиков, изуверов, карьеристов и моральных уродов. На протяжении веков патриоты убеждают русских — и безуспешно! — что огромный и склизкий «Левиафан Отчуждения» — государство Российское

Алексей Широпаев

РУССКИЙ ПЕРЕДЕЛ

— это «мать-родина», перед которой они, русские, «вечно в долгу». В действительности «родина-мачеха» безмерно задолжала русскому народу — и сейчас пришло время сполна заплатить по счетам. Национал-демократы ставят своей целью освобождение русского народа от национально- и социального гнета Империи. В лице национал-демократии русский национализм впервые в истории обозначил Российское государство как главного врага русского народа.

Это Государство — оборотень-вампир, питающийся русской плотью и кровью, духом и разумом — причем делающий это якобы от имени самих жертв и якобы в их же интересах. Чудовищный гибрид Орды, Византии и Совдепа, это Государство имеет к нам, русским, отношение такое же, какое, скажем, Британская империя имела к индусам, а Османская порта — к балканским славянам. Правда, в сравнении с Россией, названные империи были куда как честнее: они не навязывали себя поработанному народу в качестве «любимой родины».

Русский народ в гораздо большей степени жертва Империи, чем ее строитель. Российское государство, начиная со становления московского централизма, колонизировало русских, подвергая их насильственной имперской ассимиляции, стирая их регионалистскую самобытность, ущемляя местные права и вольности, усиливая казенное тягло. И при этом льстило русским, подобно тому, как на послевоенных сталинских плакатах изображались голубоглазые чудо-богатыри, поднимающие страну из руин. Вот только «забывали» изобразить на их телогрейках лагерные номера. Империя — это лжеродина и лжесудьба русских. Настало время обретения русскими своих подлинных родин и своих национальных судеб. Да, их будет несколько. Ельцин, например, в свое время считал целых семь.

Национал-демократия предлагает русскому народу:

— жить и работать для себя и на себя, а не на имперско-бюрократического «дядю»;

— руководствоваться своими реальными жизненными интересами, а не фантомными идеологическими конструкциями типа «Третий Рим» или «Третий Интернационал»;

— демократию и гражданское достоинство вместо сакрализованного холопства;

— «Русскую Европу» вместо прозябания в азиатской истории с ее кровью и коррупцией;

— национальный эгоизм и самоуважение вместо имперского интернационализма и самоуменьшения.

Положение русских в Империи чем-то напоминает положение сельхозрабочих в советских агрогородах. Сельские пролы лишены правовой и приордно-мистической связи со своей землей, отчуждены от нее. Их родная земля и ее богатства — во власти партийно-хозяйственной бюрократии, которая, по сути, и выступает в роли собственника. Аналогия прямая. Пора распустить «колхоз» Империи, обеспечивающий халяву чинушам и этномафиям за счет наших кровных русских трудодней. Пора нам с имперской «барщиной» уйти на свои региональные «отруба» и зажечь своим умом и по своей воле, а не по указке пара-

зитарного центра в любой его ипостаси, будь то самодержавие, комиссародержавие или нынешнее гзбэдержавие.

Как поет БГ, «пора вернуть эту землю себе». Русским нужна разукрупненная и приватизированная государственность, которая была бы их частной собственностью, как кулацкий хутор.

«Город Зеро»

Но хотят ли русские покидать «колхоз» Империи?

Из реальных, не аллегорических колхозов они выходить не торопятся, «архангельских мужиков» не очень-то много. Главный враг русских — их собственное имперское сознание. Это тот самый Саурон, который сидит в каждой русской голове, заставляя нас отождествлять родину с империей, народ — с государством, себя — с властью и ее деяниями. Так мы попадаем в заколдованный круг собственных представлений, в химерическую длительность российской псевдоистории, в деспотию иллюзии, требующую от нас, русских, отнюдь не иллюзорных жертв.

Есть такой раннеперестроечный фильм К.Шахназарова, который сегодня идет все реже: «Город Зеро». В провинциальный город, где-то в Центральной России, приезжает интеллигентный из столицы (блестящая роль Леонида Филатова) и попадет в особый пространственно-временной континуум, в безысходную реальность, пронизанную абсурдистским магизмом. Один из центральных героев фильма — городской прокурор, рассуждающий о строительстве и укреплении Государства как главной исторической миссии русского народа. Путинец до Путина, он противостоит временной оттепели, ждет своего часа. В конце концов, после безуспешных попыток сбежать в прежнюю, большую жизнь герой Филатова навсегда остается в фантазмагорическом городе, выпавшем из истории. Город Зеро — в самом герое, а не в овне.

Можно сказать, что это аллегория русской судьбы в заколдованной псевдоистории государства Российского. В фильме его символизирует пятисотлетний реликтовый дуб в городском парке, насквозь усохший и мертвый, и потому, как мумия Ленина, питающийся энергией живых, их поклонением и любовью.

Национал-демократия — это стремление разорвать заколдованный круг из циклических «оттепелей» и «заморожков» и вернуться в историю. Точнее, начать, наконец, собственно русскую историю — построссийскую.

После России

Мало освободиться от идеи Империи. Страшно сказать: нам, русским, надо освободиться от идеи России.

Дело в том, что «Россия» — это тот пленительный псевдоним, прикрываясь которым Империя проникает в русское сознание и завладевает им. Россия — это сладкий гипнотический шепот в нашей душе, песня о широте и размахе, безбрежности и просторе. Этот тот безграничный «поэтизм», который логически заканчивается безграничным этатизмом. Любовь к безграничному простору оборачивается контролем над этим простором, причем столь же безграничным, как сам простор. Великий Анарх оборачивается

Великим Монархом.

Любовь к простору оборачивается любовью к системе контроля над простором, тем более что последняя не лишена своего рода размаха и шири (неслучайно боевым кличем опричников было заливчатое «Гойда, гойда!»). Российское государство — это как бы зеркало, в котором отражается российский простор.

«Пространства уходят в пространство...» — так, кажется, писал известный поэт серебряного века. Тему вскоре продолжила знаменитая советская песня сталинской эпохи: «Широка страна моя родная...». Она опять же о просторе, о шире, о вольно дышащем человеке. А «страна широкая» между тем представляла собой единый и неделимый концлагерь. Снова — диалектическое единство противоположностей: простора и системы контроля над ним.

«Россия — это ледяная пустыня, а по ней ходит лихой человек», — влюбленно изрек К. П. Победоносцев. Лихой человек — это тот самый, кто потом «вольно задышит». А кто такой Победоносцев? Да из числа контролеров. И он как бы благословляет чиновно эту русскую ходьбу, эту безысходность и неукорененность, этот анархизм, взбывающий сливки Империи. Взять хотя бы казаков-первопроходцев, бежавших от Москвы, от Государства, а в действительности тащивших его за собою «встреч солнцу», как шлейф. Вслед за «лихим человеком» на новые земли приходил Победоносцев и переписывал оные. И сам «лихой человек» тоже попадал в реестр, получал от властей широкие служилые лампасы, сохраняя, в лучшем случае, некоторые вольности. «...Прибирала партия к рукам, направляла, строила в ряды», — позднее отчеканил Маяковский. По части прибирания и направления к последующим построением большевики далеко переплюнули победоносцевых. Всякая «лихая ходьба» была отрегулирована в правильные потоки гулаговских эшелонов. Контроль над простором стал действительно безграничным, всепроникающим, как лютый мороз. Система ГУЛАГа — так история «подшутила» над русской любовью к шире.

Настало время русской любви не к шире, а к своему региональному Ширу. Пора нам, русским, превозмочь прельщение «большим стилем» в государственном строительстве. Имперский высотный дом обернулся для русских абсолютной бездомностью. Пора нам почувствовать вкус к «малым» государственным формам, к основательному регионалистскому обустройству.

Взять хотя бы «центральную» Россию. Представьте себе пространство, скажем, от Воронежа до Ярославля. Да что там говорить: хотя бы карту Подмосковья с прилегающими областями. Попробуйте проехаться, например, от Ростова Великого до Серпухова. Это же огромная страна, вытянуть ее на современный европейский уровень — уже великое дело. Хватит любить Великую Россию, полюбите свой регион, обустройте его, верните достоинство, процветание и историю своей реальной, «малой» родине, переформируйте свой национализм. В Империи мы уже жили, причем плохо; Империя так и не стала ни православным «государством

правды», ни социалистическим «царством Божьим на земле». Так, может быть, русские регионы смогут стать простыми, без затей, русскими Швециями? От имперской гигантомании и мессианских амбиций — к национал-буржуазному обустройству «малых» родин. С облаков «всемирно-исторических миссий» — на свою конкретную региональную почву.

Готовы ли к этому русские? Ответ неоднозначный.

Залесье против Московии

В «центральной» России — пока явно не готовы. Здесь явно довлеет великодержавная карма Московии. «Центральный» регион воспринимает себя именно центром «вся Руси»; чувство родины у «москвитов» распространяется на всю Империю. Если, например, казаки и сибиряки традиционно воспринимают Россию как бы со стороны (в Сибири издавна говорят «Поехал в Россию», т.е. за Урал, «Приехал из России»), то жители «центра» устойчиво отождествляют себя с Россией в целом, у них везде — Россия.

Этот регион для национал-демократии самый проблемный. Не будем забывать, что именно он испытал наибольшее влияние Орды, стал колыбелью самодержавия, душителем свобод и самобытности других русских земель. Московия, регион Золотого Кольца — это очаг культурно-государственной патологии, откуда разползлись имперские метастазы, отравившие русскую судьбу. Со всем неслучайно этот регион в эпоху гражданской войны стал бастионом большевизма, восстановившего Империю. Тут явно господствует некий темный «эгрегор» тирании.

Поэтому возвращение регионалистского самосознания, регионалистского мифа в этой зоне повышенной державности — задача наитруднейшая и наиважнейшая. Достаточно вывести из имперского «поля» одну лишь Московию, чтобы «дезактивировать» всю Империю разом. Прежде всего, необходимо перфорировать православно-государственнические, царистские стереотипы, здесь особенно сильные. Им надо противопоставить идею русской демократии — подчеркнуто светскую, но в языческом дизайне. Самое время вспомнить, что институт веча знали не только Киев и Новгород, но и Северо-Восточная, Залесская Русь: Ростов Великий, Переславль-Залесский, Суздаль, Владимир — пока в ней не утвердилось самовластие князей с половецкой кровью, заложивших основы московского самодержавия (впервые идею Залесья в личной беседе со мной высказал Илья Лазаренко в феврале с.г.).

Пора вернуть этому региону его исконное древнее имя, создать новый, светлый исторический миф этой земли, а также привлекательный образ ее европейского, демократического будущего. Нужны новые архетипы, ни больше, ни меньше. Московия должна снова стать Залесьем. Сие не просто, поскольку даже регионализм, экстраполированный на эту почву, воспроизводит архетип Московского княжества со всеми вытекающими, тем более что москвитский «эгрегор» активно подогревается такой большой фабрикой как РПЦ. Но схватка уже началась: пока на уровне мысленных образов, но вечевое белокаменное-романское Залесье уже противостоит Московии с ее татарским кнутом и плахой. Надо «накачивать» залесский «эгрегор» — и тут широчайшее поле для общественной и культурной деятельности в плане т.н. краеведения. Необходимы клубы краеведов Зале-